

Глава 23

Похороны

Через пятьдесят лет мы встретимся снова

Помощь помощью, но в делах, касающихся преисподней, следовало соблюдать предельную осторожность.

Когда двое людей и двое призраков вернулись в переулок Уван, Чэнь Сы и Чэн Ушэн уже поджидали их во дворе. Увидев Линь Му, Чэнь Сы приветливо замахал рукой:

— Привет, парень! Помнишь меня? Мы виделись на днях.

Линь Му, который никак не желал выпускать руку Шэнь Цзяньвэя, виновато кивнул:

— Простите, я доставил вам столько хлопот.

— Пустяки, не бери в голову. Я уже знаю вашу историю, — Чэнь Сы беспечно отмахнулся.

Гу Цянь хотел было спросить, откуда это он всё узнал, но, обернувшись, увидел Златовласку: тот сидел в обнимку со смартфоном и довольно лыбился.

«Дырявое ведро»

— Способ семьи Чэн по удержанию души в теле здесь не подходит, — подал голос Чэн Ушэн. — Для этого нужно готовиться ещё при жизни, да и душа должна быть целой.

По сути, этот метод лишь избавлял от мук реинкарнации, но никак не утолял тоску по любимому человеку. Для Линь Му он был бесполезен. Чэнь Сы тоже тяжело вздохнул:

— Наши методы тоже не годятся, — он взглянул на Гу Цяня. — Ты же знаешь, моя семья специализируется на упокоении. Максимум, что я могу — это создать пару марионеток, способных выдержать нагрузку, но это не выход на долгий срок.

Оба столпа города Цзянь — семьи Чэн и Чэнь — в бессилии покачали головами. К тому же из-

за пребывания в формации Циншун душа Линь Му была сильно повреждена. Попытка насильно удержать его в мире живых не принесла бы ничего хорошего.

Гу Цянь, устроившись в кресле, погрузился в раздумья. Наконец он произнёс:

— Дела загробного мира должны решать призраки этого самого мира.

Чэн Ушэн понял намёк и связался с Управлением Жёлтых источников. Пока они ждали, Чэнь Сы и президент Чэн препирались, Линь Му и Шэнь Цзяньвэй шептались о своём, а Цзи Лююнь, не зная, к кому приткнуться, приполз к Гу Цяню со смартфоном.

— Гу Цянь, Гу Цянь, посмотри, какую чушь пишет этот автор! Она посмела написать, что Юэ Лао и Мин-ван поменялись работами! Сюжет — полная неразбериха, ничего не понятно. И ещё, представляешь, она написала, что призрачный страж — это собака! Как это возможно? Какая она глупенькая.

Юноша мельком глянул на экран и отвёл взгляд:

— Поменьше читай таких недалёких авторов.

— Ладно-о.

Ждать пришлось недолго. Поднялся холодный вихрь, и во дворе появился призрак. Это был энергичный, жизнерадостный молодой человек в безупречно отглаженной форме.

— Я знаю тебя, Гу Цянь. Рад знакомству, я — Призрачная безопасность 001, зови меня Сяо Гу.

«Сяо Гу?»

У Цзи Лююня дрогнули уши. Имя казалось странно знакомым... Гу Цянь, глядя на бесцеремонного гостя, краем уха услышал, как Чэнь Сы спрашивает у Чэн Ушэна, кто это такой.

— Наследный принц нижнего мира, — вполголоса ответил тот. — Оба главных босса в нём души не чают.

Хоть и было неясно, почему этот «принц» проявил такое дружелюбие, он мог стать неожиданным подспорьем. Практик Инь и так планировал придать делу огласку, чтобы было легче маневрировать, а помощь столь высокопоставленного лица была как нельзя кстати.

Гу Цянь сделал пару шагов навстречу:

— Очень приятно.

Сяо Гу расплылся в улыбке:

— Да брось ты ломать комедию.

Юноша замер в недоумении.

— Мне безумно нравится, как ты творишь свои бесчинства, — продолжал призрак. — Я бы с радостью прихлопнул тебя прямо сейчас, чтобы ты спустился к нам и мы развлекались вместе.

Весьма своеобразное проявление гостеприимства... Златовласка тут же подскочил и заслонил собой Гу Цяня.

Гость кашлянул и мгновенно вернулся к официальному тону:

— Вообще-то, есть способ позволить этим двоим продолжить их историю. Первый — Шэнь Цзяньвэй тоже должен умереть.

Не успел Гу Цянь и рта открыть, как Линь Му первым выкрикнул:

— Нет!

— Я так и знал. Тогда второй вариант, он тоже прост: Линь Му должен вселиться в тело Шэнь Цзяньвэя.

На этот раз головой покачал уже Гу Цянь:

— Вселение в живого человека — великий грех. К тому же душа Линь Му повреждена, насильственное слияние погубит их обоих.

— Что ж, в таком случае в преисподней сейчас действует правило «Бай цзя хэй», — серьёзно произнёс Сяо Гу.

— «Бай цзя хэй»? — в Линь Му проснулся врач. — Парацетамол, псевдоэфедрин и декстрометорфан?

— Это не лекарство, а особый закон симбиоза Инь и Ян, — пояснил Сяо Гу. — Проще говоря,

мы устанавливаем связь между живым и духом. Живой днём остаётся в мире людей, а ночью спускается в мир теней для свидания. Но этот процесс требует огромных затрат энергии от обеих сторон.

Видя, что Линь Му и Шэнь Цзяньвэй внимательно слушают, собеседник продолжил:

— Призраки, если их намеренно не уничтожить, по сути бессмертны. Но для поддержания таких встреч расходуется призрачная сила. А ведь именно на ней держится существование духа; стоит ей иссякнуть, и призрак рассеется. Что же касается живого человека, то каждый спуск в преисподнюю будет стоить ему части жизненного срока.

Шэнь Цзяньвэй нахмурился:

— Звучит опасно для духа.

— Верно, но и для живого риск не меньше, — уточнил Сяо Гу. — Равновесие Инь и Ян священно, и за его нарушение приходится платить. Впрочем, есть способ смягчить удар: платой могут служить заслуги. Заслуги бывают разными. Вы оба врачи, спасение жизней приносит немало благодетели. Но «Бай цзя хэй» требует колоссальных ресурсов.

Гу Цянь спросил:

— И каков расчёт?

— Одно свидание стоит месяца жизни и одного процента призрачной силы, — гость принялся загибать пальцы. — Суммарных заслуг доктора Линь и доктора Шэня хватит на десять с половиной лет. После этого, если не будет новых поступлений заслуг, вы оба исчезнете. Но даже если заслуг хватит, при таком образе жизни вы будете стареть вместе.

— Десять лет... — прошептал Линь Му, сжимая руку Шэнь Цзяньвэя.

— Вычитай из моих, — внезапно отрезал Гу Цянь. — До тех пор, пока родители Линь Му не завершат свой земной путь и не уйдут в мир теней.

— Нельзя!

— Ни за что!

Линь Му и Шэнь Цзяньвэй вскричали одновременно. Чэн Ушэн хранил молчание, а Чэнь Сы задумчиво переводил взгляд с одного врача на другого.

Гу Цянь обернулся к ним:

— Слушайте сюда.

— Я не знаю, что там за заслуги в вашем загробном мире, но это то, что ты заработал сам, — твёрдо сказал Линь Му. — Ты и так помог мне слишком сильно.

Шэнь Цзяньвэй поддержал его. Гу Цянь ледяным тоном повторил:

— Я сказал — помогу. И точка. Думаете, я это даром делаю? Будете отрабатывать и возвращать. К тому же я в ваш мир теней не собираюсь, так что заслуги у меня всё равно мёртвым грузом лежат.

Он не добавил главного: Гу Цянь не знал, сколько ему осталось, и хранить эти заслуги не имело смысла. Но Линь Му всё равно было не по себе:

— Но...

— Никаких «но», — практик Инь бросил на него короткий взгляд. — Спустишься вниз и продолжишь копить свои заслуги там.

Призрак вовремя добавил:

— В преисподней сейчас активно внедряют новые программы поддержки. Если обе стороны согласны, льгот будет предостаточно. В конце концов, искренняя любовь сама по себе — великая заслуга.

Чэн Ушэн хотел было что-то вставить, но Чэнь Сы похлопал его по плечу:

— Он уже всё решил. Не советую тебе нарываться на грубость.

Сяо Гу это не задело; он был лишь исполнителем новых правил.

— Вот только... — он посмотрел на Цзи Лююня, а затем на Гу Цяня. — У тебя под боком бродит существо с просто запредельным количеством заслуг. Почему бы не воспользоваться резервом Златовласого призрака?

Гу Цянь искренне удивился. Указав на глупого пса, он переспросил:

— Ты говоришь, у него запредельные заслуги?

Сяо Гу принялся перечислять:

— Малые добрые дела — по баллу; упокоение бродячих душ — восемьсот; за каждого сражённого злодея — по тысяче; заслонил другого от удара — три тысячи... Накопить заслуги легко, но собрать «запредельное» количество — задача почти невыполнимая.

Цзи Лююнь не понял, как разговор свернул на него, и лишь растерянно пробормотал:

— Я не помню...

«Кто же этот дурень на самом деле?»

Гу Цянь задумчиво оглядел его, и в груди снова зашевелилось смутное раздражение. Он ненавидел это чувство: Златовласка всегда был рядом, но ореол тайны вокруг него становился всё плотнее и тяжелее.

Сяо Гу добавил:

— Вы двое слишком известны. В преисподней даже пытались навести справки о происхождении этого Златовласки, но не нашли никого по имени Цзи Лююнь, кто совершил бы столько добра при жизни.

Цзи Лююнь почувствовал перемену в настроении Гу Цяня и робко потянул его за край одежды. Сяо Гу, глядя на их немое взаимодействие, почему-то просиял.

Вопрос о том, как теперь будут сосуществовать Линь Му и Шэнь Цзяньвэй, был решён. Сяо Гу упомянул, что нижний мир сейчас остро нуждается в квалифицированных врачах, так что если доктор Линь согласится продолжить практику «на той стороне», это будет просто замечательно. Единственное условие — они должны быть готовы к тому, что состарятся одновременно.

Шэнь Цзяньвэй с покрасневшими глазами ответил, что этого более чем достаточно. Достаточно, чтобы проводить родителей, вырастить Люй Су... Да он бы согласился умереть прямо сейчас, лишь бы вернуть Линь Му.

Призрак замахал руками, уверяя, что преисподняя теперь — место современное и просвещённое, и мода на «трагедии до гроба» давно прошла. Если любящие сердца верны друг другу, они обязательно увидят свет в конце туннеля.

— В общем, дела у нас идут в гору, — подытожил он.

Гу Цянь тут же вставил шпильку:

— Это если не считать ваш калькулятор реинкарнаций, который вечно барахлит?

Сяо Гу цокнул языком:

— Какой же ты всё-таки колючий.

— Слушай, а что вы делаете с теми отъявленными грешниками, которые копят у вас годами и не могут переродиться? — вдруг спросил Гу Цянь.

Собеседник пожал плечами:

— Как обычно — швыряем в ад. Есть предложения?

— Я часто захожу в «Слияние миров» и вижу, что многие злые духи от безделья только и делают, что проклинают всех и вся. В аду их только пытаются, но ведь те, кто склонен к злу — это подонки, которые не понимают уроков. Почему бы вам не поучиться у мира людей и не внедрить систему швейных мастерских? Использовать дипломатические каналы: накопление земных заслуг в мире теней. Мир велик, кому-то всегда не хватает одежды. Разве это не великое благодеяние?

Сяо Гу впал в глубокую задумчивость. Гу Цянь продолжал:

— Так и у вашего нижнего мира, и у нашего верхнего будет имидж великих держав.

Призрака словно озарило.

— Решено! Мы внедрим это в кратчайшие сроки. И с врачами вопрос уладим, — он взмахнул рукой, и в воздухе возник свиток. Глядя на Гу Цяня горящими глазами, он попросил: — Можешь оставить мне именную автограф? Я просто обожаю вашу пару «Гу-Цзинь»!

«...»

Никакого стыда, сплошное кумовство.

Чэнь Сы тоже не терял времени и расспрашивал Линь Му:

— Ты хоть знаешь, сколько ещё сможешь продержаться в этой марионетке?

Линь Му прикинул:

— Гу Цянь говорил — около десяти дней.

— Десять дней... — Чэнь Сы задумчиво оглядел его тело. — Эту куклу тебе Гу Цянь сделал?

Линь Му кивнул.

— И у неё, небось, постоянно что-то отваливается?

Линь Му снова кивнул.

— Гу Цянь хорош во всём, но марионетки — не его конёк, — Чэнь Сы достал металлическую фигурку и с многозначительным видом протянул её: — Держи. Негоже вам в последние дни на земле в чём-то себе отказывать. Эта модель — повышенной прочности.

Чэн Ушэн сидел рядом, совершенно одеревенелый. То призрачный страж, просящий автограф, то марионетки «повышенной прочности»... Когда этот мир успел так измениться? Неужели все вокруг разом сошли с ума? Он чувствовал себя лишним на этом празднике безумия.

Неудачливый кузен обернулся и посмотрел на парочку у ворот. Гу Цянь только что выпроводил Сяо Гу, и тот, встряхнувшись, обратился в пса и исчез. Цзи Лююнь, не теряя времени, обхватил юношу со спины, накрывая его своими объятиями.

— Видишь, я же говорил! Даже авторы-недоучки пишут правду про собак-призраков.

Гу Цянь мгновенно раскусил его маневр:

— Отойди от меня, о великий праведник с запредельными заслугами.

Но не успел он договорить, как Цзи Лююнь виртуозно сменил тактику: в его глазах заблестели слёзы, и он бросился вдогонку за «хозяином», пытаясь его утешить. В порыве чувств они даже не заметили, как наступили на ногу Чэн Ушэну. Тот лишь вздохнул — никто даже не извинился.

Сяо Гу сдержал слово: реформы в преисподней начались молниеносно. Приложение «Слияние миров» снова взорвалось от новостей:

[Программа исправления злых духов]

[Новый имидж преисподней начинается со швейной машинки]

[Как вы относитесь к внедрению швейных цехов в аду?]

[Не_хожу_домой_в_первую_неделю]: [Не знаю, как к этому относиться, знаю только, что после того как кое-какой мусор отправился строчить швы, в «Слиянии миров» стало гораздо чище.]

[Всё_ещё_парю]: [Хорошо, очень хорошо! Начинаю с нетерпением ждать адскую неделю моды.]

[Пара Шэнь-Линь навеки]

[Лес заслуг и добродетелей против Технопарка]

[Что вы думаете об истории доктора Линя?]

[Мастер_обновления_купюр]: [Кто бы мог подумать, что и в загробном мире можно найти такую свежую и трогательную пару!]

[Заноза_у_моста_Найхэ]: [В преисподней и впрямь стало лучше жить. Любящие сердца находят друг друга. Не знаю, видит ли это доктор Шэнь, но мы позаботимся о докторе Лине!]

[Без_благовоний_у_могилы_всё_пучком]: [А? Что имел в виду автор выше? Доктор Шэнь и доктор Линь больше не смогут видеться?]

[Всё_ещё_парю]: [Не волнуйтесь! Эти двое будут видеться по полдня ежедневно! И состарятся вместе, представляете? У-у-у, пойду поставлю свечку за Гу Цяня.]

[В_очереди_на_перерождение_уже_три_года]: [Кстати, я даже жду, когда доктор Линь начнёт принимать пациентов у нас. Говорят, он очень добрый.]

[Мой_прах_растёт_как_дерево]: [А-а-а! Ребята, я видела доктора Линя, он гулял в Лесу заслуг и добродетелей!]

[Безумный_призрак_без_могилы]: [Врёшь! Доктор Линь будет жить у нас в Технопарке!]

[Интерн_в_аду_триста_лет]: [Да пошли вы! Доктор Линь останется в Лесу заслуг и добродетелей!]

В загробном мире привыкли решать дела быстро и прямо. Чтобы определить, где же поселится доктор Линь — в Лесу заслуг и добродетелей или в Технопарке, — призраки устроили несколько массовых побоищ. Им было смертельно скучно, и любой повод для драки воспринимался как праздник. Никто не хотел уступать, и в конце концов «верхи» вынесли вердикт: днём доктор Линь работает в Технопарке, а по ночам возвращается в Лес заслуг и добродетелей к Шэнь Цзяньвэю.

Более того, призрачная братия, впечатлённая тем, как разом приструнили всех злыдней, начала стихийно и массово возносить молитвы и жечь благовония в честь Гу Цяня.

Надо признать, Люй Су был ребёнком, отмеченным удачей. Не прошло и недели, как он пришёл в себя. Очнувшись, малыш тут же разрыдался: он требовал доктора Линь Му, Гу Цяня, Златовласку и того врача в маске. Его не могли успоить никакие уговоры; врачи уже всерьёз подумывали перевести его из нейрохирургии в психиатрию.

Гу Цянь не из тех, кто рассказывает детям сказки. Опустив некоторые взрослые подробности, он честно пересказал мальчику всю историю Линь Му и Шэнь Цзяньвэя. Выслушав его, ребёнок едва снова не лишился чувств. Он твёрдо решил найти Шэнь Цзяньвэя.

Встретившись с ним, мальчик наконец понял, что тем самым врачом в маске был Шэнь Цзяньвэй. И снова была истерика.

По-хорошему, ему полагалось тихо лежать и восстанавливаться, но детская преданность не знала границ. Улучив момент, когда все отвернулись, он тайком выкатил свою инвалидную коляску из больницы. Мальчик не раз бывал дома у своего «братика Линь Му» и знал дорогу.

Трудно представить, чего ему стоило это путешествие всего через несколько дней после пробуждения. По пути он с таким жалобным видом просил прохожих подвезти его хоть немного, что сменил добрый десяток «извозчиков».словно в эстафете, добрые люди передавали коляску из рук в руки, пока не доставили ребёнка к калитке дома семьи Линь.

Едва увидев Линь Шаня и Цзян Чунью, Люй Су, не говоря ни слова, сполз с коляски на колени и принялся бить поклоны, рыдая:

— Теперь я буду заботиться о вас в старости!

Супруги Линь кое-что знали об этом мальчике — Линь Му рассказывал о нём. Но они и подумать не могли, что ребёнок окажется столь благодарен. Охваченные чувствами, все трое долго рыдали в объятиях друг друга.

Когда же Люй Су, снова упросив добрых людей, добрался до переулочка Уван, его глаза от слёз превратились в узкие щёлочки. Въехав во двор и увидев Линь Му, который стоял и мирно беседовал с Шэнь Цзяньвэем, мальчик тут же грохнулся в обморок.

«Молодость — великая сила» — подумал четырёхсотлетний призрак Цзи Лююнь, чувствуя укол ревности. — «Рыдает так, что мне и не снилось. Конкуренция растёт».

Когда Люй Су пришёл в себя, Гу Цянь взял его за руку и отвёл к Чэн Ушэну.

— Этот ребёнок в критический момент не думал о спасении шкуры, а до последнего пытался помочь. Крепость дерева познаётся в бурю, а верность человека — в беде. Хороший мальчишка.

Не успел неудачливый кузен и слова вставить, как коварный практик Инь заставил пацана поклониться:

— Посмотри внимательно — это большой босс, президент. Запомни его доброту; все твои счета за лечение оплатил именно он. Знай его в лицо: если в будущем чего-то понадобится, иди к своему крёстному. Он у нас сама доброта, обязательно вырастит тебя достойным человеком.

Шантаж был исполнен виртуозно. Чэн Ушэн окончательно онемел. Мало того что его самого обобрали, так теперь ещё и нахлебников вешают.

Мальчик, которого в этой жизни никто никогда не любил, не мог поверить своему счастью. Сначала «братик Линь Му», потом Златовласка, а теперь ещё и этот добрый президент. Люй Су со слезами на глазах уставился на мужчину, преисполненный внезапно вспыхнувшей сыновней преданности. Он уже собрался опуститься на колени и выкрикнуть:

— Отец!

Чэн Ушэн не смог сохранить напускную строгость перед ребёнком. Он поспешно подхватил его под локти:

— Если твоя фамилия Люй — лучше не называй меня приёмным отцом. Звучит жутковато.

Мальчик не понял шутки, а Чэнь Сы рядом чуть не поперхнулся от смеха:

— Твой крёстный намекает, что тебе стоит почитать «Троецарствие».

Люй Су послушно кивнул, решив во всём слушаться наставника. Он внимательно оглядел безупречный костюм президента и, помедлив пару секунд, с надеждой в голосе спросил о самом важном:

— Вы правда президент?

— Допустим.

— А вы замуровываете людей в бочки с цементом?

«?»

Чэнь Сы не выдержал:

— Слушай, ты всегда так терпим к Гу Цяню... почему?

— Я просто отношусь к нему как к обычному человеку, — Чэн Ушэн снова напустил на себя важный вид.

— Не-а, — Чэнь Сы склонил голову набок, прищурившись. — Ты ведь кого-то убил, а юноша это видел, так?

Президент несколько секунд смотрел на него сложным взглядом, после чего выдохнул:

— Теперь я понимаю, почему вы с ним лучшие друзья.

Линь Му и Шэнь Цзяньвэй подошли, чтобы искренне поблагодарить хозяев. Только сейчас они заметили на шее Гу Цяня странный амулет — обломок кости. Юноша, почувствовав их взгляды, не стал ничего скрывать. Он достал кость и спокойно произнёс:

— Это фаланга моего деда.

Оба врача долго и внимательно изучали артефакт, после чего Линь Му тактично заметил:

— Да, семейная история у тебя непростая.

— В каждой избушке свои погремушки, — Гу Цянь убрал кость. Он решил найти во дворе место с хорошим фэншуй, чтобы обустроить там алтарь для своего предка.

Похороны Линь Му назначили на следующий день после того, как он должен был окончательно покинуть мир живых. Дату выбрали специально: на самую кремацию родителей звать не стали — сердца стариков могли не выдержать. Проводить их на кладбище должен был Шэнь Цзяньвэй.

Гу Цянь и его компания выехали рано утром на просторном минивэне Чэн Ушэна. Со Златовлаской в последние дни творилось что-то странное: он то и дело проваливался в сон. Всю дорогу он спал мертвецким сном, и лишь когда машину встряхивало на ухабах, он в полузабытьи нащупывал руку Гу Цяня.

Гу Цянь всерьёз обеспокоился этой сонливостью. Раньше Глупый пёс говорил, что засыпает от голода или усталости. Но сейчас-то его кормили до отвала. Юноша сжал руку «пса», затем легонько потыкал его пальцем в щеку. Чэн Ушэн, сидевший напротив, наблюдал за этими манипуляциями.

— Вы с ним... что у вас сейчас происходит?

Практик Инь с каменным лицом отдернул руку:

— Он — мой ингредиент. Я собираюсь убить его и сварить снадобье.

Цзи Лююнь, услышав это во сне, прижался щекой к его плечу и пробормотал:

— Угу, убей меня...

Голос был мягким, а горячее дыхание коснулось шеи. Гу Цянь невольно вздрогнул, а Глупый пёс тут же притиснулся ещё плотнее. Чэнь Сы ехидно добавил:

— Ага, а ещё они сейчас в ссоре.

«...»

Чэн Ушэн некоторое время смотрел на спящего блондина, который выглядел совершенно беззащитным, а затем отвернулся к окну. Помощник Чжан на переднем сиденье вздохнул:

— Молодой господин уже давно ни о ком так не заботился.

В траурном зале их уже ждали родственники и друзья. От нечего делать люди принялись сплетничать. Двое мужчин в ряду перед Гу Цянем, судя по разговорам, были коллегами из больницы. Практик Инь вспомнил их: когда он стоял у кабинета Шэнь Цзяньвэя и слушал, как

того распекают, врачи и медсёстры проходили мимо, стараясь не задерживаться. И только этот остроносый тип намеренно замедлял шаг, прислушиваясь с нескрываемым злорадством.

Родители Линь Му прибыли в зал, и Шэнь Цзяньвэй пошёл их встречать.

— Эй, глянь, — остроносый толкнул локтем соседа. — Этот Шэнь Цзяньвэй сжил со свету их сына, а теперь ещё смеет им в глаза смотреть. Совсем стыд потерял.

Ему было плевать, что он на похоронах; слова лились грязным потоком. Даже его спутник не выдержал:

— Слушай, дружище, посмотри, где мы находимся. Имей хоть каплю уважения.

— Да плевать я хотел на все эти суеверия, — самонадеянно бросил остроносый. — Если призраки существуют — пусть придут и накажут меня.

Гу Цянь уже сложил пальцы в жесте, готовясь преподать наглецу урок, но его руку перехватил Цзи Лююнь. Четырёхсотлетний призрак покачал головой и, жестом попросив подождать, извлёк из своей дурацкой белой сумки тюбик суперклея. Вспышка магии — и клей бесшумно оказался на сиденье под задом сплетника.

Церемониймейстер пригласил всех проследовать к месту захоронения. Когда люди начали подниматься, громкий треск привлёк всеобщее внимание. Суперклея сработал на совесть: у остроносого вырвало приличный кусок штанов, но часть ткани так и осталась намертво приклеенной к стулу. С каждым движением раздавался противный хлюпающий звук, а сам горе-храбрец взвыл от боли — клей прихватил и кожу.

В тишине похорон этот шум прозвучал кощунственно. Руководство больницы, стоявшее впереди, недовольно обернулось. В этот миг остроносый потерял и лицо, и остатки достоинства.

— И зачем ты таскаешь с собой такие вещи? — шепнул Гу Цянь «псу», когда они вышли на улицу.

— Я беру с собой только то, что может пригодиться, — ответил тот, сияя от счастья после свершённого возмездия. — Это потому, что я очень предусмотрительный!

Он заглядывал в глаза юноше, выпрашивая похвалу, и кружил вокруг него, точно верный спутник.

Все детали этих похорон Линь Му продумал сам ещё перед уходом. В том числе и самый интригующий момент — церемонию открытия. Да, именно открытия.

Две могилы были укрыты красной тканью. Дождавшись, когда все соберутся, распорядитель встал перед ними. Его голос звучал торжественно и сурово:

— Сегодня мы собрались здесь не для того, чтобы попрощаться, а чтобы стать свидетелями объятий, которые запоздали на годы. В своём последнем желании усопший просил вашего благословения.

С этими словами он посмотрел на Гу Цяня, увлекая за собой взгляды всех присутствующих. Практик Инь достал плеер, на котором была записана речь Линь Му. После нажатия кнопки «воспроизведение» чистый, звонкий голос разнёсся над кладбищем — такой живой и весёлый, будто юноша стоял прямо перед ними.

— Ну... это я, Линь Му. Ха-ха, говорить так — немного глупо. Друзья мои, я тут решил ненадолго помереть, так что не грустите. Считайте, что я отправился в разведку в мир теней. Но вы, чур, не вздумайте торопиться ко мне!

Голос на мгновение прервался, послышался всхлип, будто он вытирал слёзы.

— Пап, мам, простите меня. Заботиться о вас теперь придётся этому негоднику Шэнь Цзяньвэю. Но он справится, он у нас с детства самый надёжный... Ну вот и всё. Сегодня вы должны только улыбаться! Я приготовил для вас песню, но перед этим — оцените мои памятники!

До этого Шэнь Цзяньвэй сказал родителям и друзьям, что запись была сделана Линь Му давным-давно. Никто не усомнился: Линь Му всегда был слишком добрым и слишком заботливым. Такой человек даже после смерти не позволил бы близким страдать.

Однако никто не понимал, почему памятника два. Красная ткань медленно соскользнула вниз. Все увидели надписи на плитах.

Здесь покоится возлюбленный Шэнь Цзяньвэя

Это место оставлено для того, кто пережил Линь Му

Это безмолвное, но грандиозное признание обрушилось на толпу, погрузив кладбище в звенящую тишину. Цзян Чунью прижала ладонь к губам, захлёбываясь слезами:

— Эти дети... эти двое детей...

Линь Шань крепко обнимал жену за плечи, похлопывая её по спине; слова застряли у него в горле. Шэнь Цзяньвэй стоял перед памятниками с прямой спиной, принимая на себя взгляды людей — так, как он делал всегда. Молчаливая поддержка, глубокая любовь. Он был его другом детства, соратником, братом, коллегой. И наконец — возлюбленным, о котором можно было заявить во весь голос. Каждая ипостась была ясна, каждая связь — неизгладима.

— Надо же...

— Так вот оно что.

— Теперь понятно...

Старый главврач облегчённо выдохнул:

— Слава богу, слава богу...

Цзи Лююнь, который был свидетелем этой любви, уже вовсю вытирал глаза бумажными платками. Чэнь Сы, глядя на надписи, тоже не выдержал и, несмотря на тёмные очки, начал шмыгать носом. Чэн Ушэн сохранял на лице выражение крайнего недовольства, но рука его уже протягивала Чэнь Сы салфетку.

— Мастер Чэнь на редкость впечатлителен.

— А ты просто ледяная глыба, — Чэнь Сы выхватил салфетку. — Ты когда в последний раз любил?

Помощник Чжан рядом покачал головой и прошептал:

— Мастер Чэнь совсем не соблюдает субординацию.

Гу Цянь как раз пихал салфетки в руки «псу», когда услышал этот упрёк в адрес друга. Он обернулся. Помощник Чжан тут же продемонстрировал чудеса корпоративной этики:

— Сразу спрашивать господина Чэна о его возрасте — это перебор.

Юноша хмыкнул и отвернулся.

Церемониймейстер с мягкой улыбкой перешёл к следующей части:

— В своём завещании усопший просил поставить именно эту песню. Давайте отбросим печаль и просто послушаем.

Гу Цянь надел маску, тщательно проверил, скрыто ли лицо, и только тогда нажал «Play». Жизнерадостный мотив заполнил торжественное пространство мемориала:

А через пятьдесят лет мы встретимся снова,

В крематории нас сожгут дотла.

Твоя кучка, моя кучка — кто кого узнает?

Всех нас в деревню отправят на удобрения.

А милые друзья, кто первым станет прахом?

Сначала я, потом и ты — ведь всё это тлен.

Всё равно в итоге — лишь пепел от костей людей.

<http://bllate.org/book/15848/1436912>